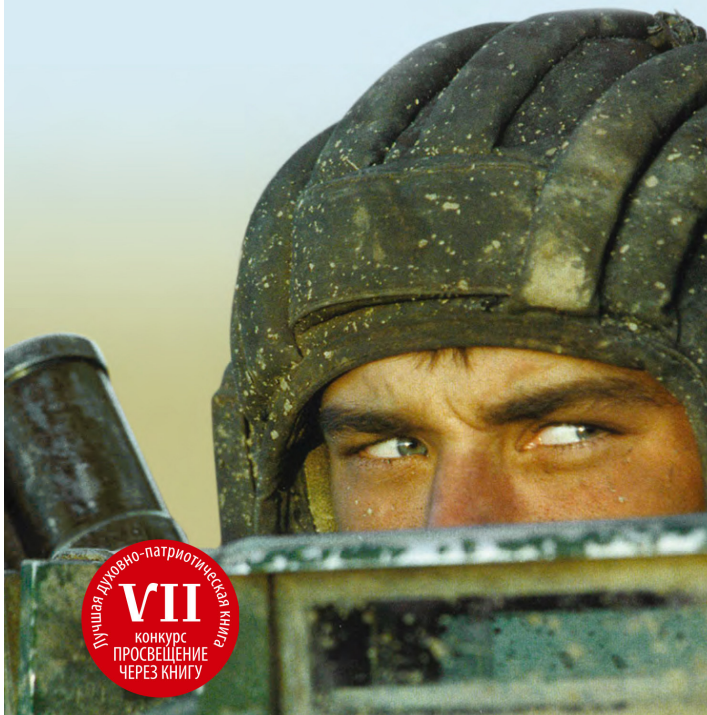

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ
**ИЗ СМЕРТИ
В ЖИЗНЬ...**

Главная награда

Сергей Геннадьевич Галицкий

Из смерти в жизнь...

Главная награда

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32542991
Из смерти в жизнь. Главная награда: 2017
ISBN 978-5-4380-0176-8

Аннотация

В первой части книги «Из смерти в жизнь. Главная награда» автор Сергей Галицкий познакомит читателя с уникальными свидетельствами о помощи Бога и Его святых нашим воинам в реальных боевых ситуациях в Афганистане и на Кавказе. О своём личном опыте от первого лица рассказывают заслуженные офицеры Вооружённых сил Советского Союза и России: Герой России генерал-майор ВДВ Г.В. Анашкин, Герой России майор МВД И.С. Задорожный, кавалер ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды и ордена Мужества генерал-майор медицинской службы В.О. Сидельников, кавалер двух орденов Красной Звезды полковник ВДВ В.В. Осипенко, кавалер ордена Красной Звезды и двух орденов Мужества, легендарный лётчик армейской авиации полковник В.А. Господ, кавалер ордена Мужества подполковник морской пехоты А.М. Лебедев,

кавалер ордена Мужества и ордена Дружбы военный священник
Димитрий Василенков и другие.

Содержание

От автора	6
На войне главная награда – это жизнь	8
Командир полка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Галицкий Сергей
Геннадьевич
Из смерти в жизнь.
Главная награда**

© С.Г. Галицкий. 2017

От автора

«Не в силе Бог, а в правде!»

Святой благоверный князь Александр Невский

Сейчас в это трудно поверить, но даже в советской стране тотального атеизма офицеры-спецназовцы провозили через границу с Афганистаном православные крестики в самом надёжном месте – в партбилете. А вертолётчики зашивали иконки в воротники лётных комбинезонов. В критических ситуациях многие из них обращались к Богу с молитвами и получали Его благодатную помощь. А во время двух чеченских военных кампаний и пятидневной войны в Южной Осетии сотни российских солдат и офицеров приняли Святое Крещение прямо на позициях. В местах временной дислокации руками самих бойцов, часто из подручных материалов, возведены десятки православных часовен и храмов. И многие командиры, отдав боевой приказ, затем благословляли уходящие на задание группы спецназа.

До сих пор в войсках из уст в уста передаются рассказы непосредственных участников боевых действий о чудесном спасении из абсолютно безнадёжных, с точки зрения канонов военной науки, ситуаций. Настало время собрать эти бесценные свидетельства заступничества Божьего и донести до тех, кто в них больше всего нуждается. И я верю и наде-

юсь, что каждый прочитавший эту книгу в критический момент вспомнит свидетельства своих ровесников о помощи Божьей в бою, обратится к Нему с молитвой и получит от Господа и Бога нашего Иисуса Христа благодатную помощь.

Сергей Галицкий

На войне главная награда – это жизнь

Войны без потерь не бывает. Но мы должны вечно помнить, прежде всего, тех офицеров-десантников, для которых в самых ожесточённых боях жизнь каждого бойца была такой же ценной, как своя собственная. Эти командиры, первыми влезая в самое жуткое пекло, последними садились в вертолёты при эвакуации, с замиранием сердца считая бойцов перед взлётом: все или не все?.. И отказывались улетать, если кого-то недосчитались. И искали, и находили – живыми или мёртвыми... Такие офицеры успех боевой работы всегда оценивали по формуле: «Задачу выполнил, бойцов сберёг». Именно о таком офицере ВДВ этот рассказ.

Краткая биографическая справка

Полковник Владимир Васильевич Осипенко родился в городе Житомире. Закончил Киевское суворовское военное училище, Рязанское воздушно-десантное училище и Академию им. М.В. Фрунзе. После окончания училища проходил службу в полковой разведроты 7-й дивизии ВДВ в городе Алитусе (Литва). В феврале 1984 года в должности начальника штаба батальона прибыл в Афганистан в 357-й парашютно-десантный полк 103-й воздушно-десантной дивизии. Че-

рез полтора года был назначен командиром батальона 317-го парашютно-десантного полка. Командовал гарнизоном в Шахджое. Заменился в июне 1986 года.

По окончании обучения в Академии им. М.В. Фрунзе вернулся на службу в 103-ю дивизию ВДВ на должность начальника штаба 317-го полка, затем командовал 357-м полком.

После развала Советского Союза полковник В.В. Осипенко год отслужил в Белорусской армии. Но когда речь зашла о белорусской присяге, принимать её отказался и отбыл в распоряжение Командующего ВДВ России. Был назначен командиром 36-й отдельной воздушно-десантной бригады, расположенной в посёлке Гарболово под Санкт-Петербургом, в 1996 году назначен заместителем командира 98-й воздушно-десантной дивизии (г. Иваново). После этого полтора года участвовал в миротворческой миссии ООН в Восточной Славонии (область на востоке Хорватии).

Награждён двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими государственными наградами, включая награды иностранных государств за участие в миротворческих операциях ООН.

В 1999 году уволился в запас. В настоящее время возглавляет «Союз ветеранов ВДВ Санкт-Петербурга».

Рассказывает полковник Владимир Васильевич Осипенко:

– Я спрыгнул с брони, и тут же килограммов по пять афганской грязи, состоящей из скользкой глины, прилипли к каждому из резиновых сапог. Как ни берёгся, но сам с ног до головы тоже был в грязи. Даже автомат, который я держал на коленях и прикрывал собой, оказался заляпанным. Ехали долго, замёрз, как собака. Голова шумит...

Командир инженерно-сапёрного взвода встретил меня и с места в карьер стал меня «грузить»: «На заставе происшествий не случилось. Разрешите вопрос?». – «Что надо?». – «Разрешите камень взорвать? Механики задолбались о него днищем стучать. Комбат убрать приказал, а мы, сколько ни роем, а камень всё больше становится». – «Давайте, только аккуратно. Когда комбат вернётся?».

Слушая его ответ, я в то же время старался скребком содрать грязь с сапог. Наклонился – и тут меня повело. Что-то не так... В предбаннике штаба, пока раздевался, столкнулся с «доком». «Что-то вид у тебя не очень. Глаза, как у кролика. Как себя чувствуешь?». – «Спасибо, хреново». – «Ещё бы не хреново: тридцать девять и четыре!» – констатировал он через пять минут, измерив температуру.

В штабе чисто и натоплено. Я же, напялив на себя всё, что можно, и укрывшись одеялом, трясся всем телом от холода и громко стучал зубами. Через пятнадцать минут, наоборот, мне становилось жарко, градом катил пот, и хотелось раздеться. Док принёс трёхлитровую банку какого-то пойла на основе чая, аскорбинки и ещё какой-то гадости и велел пить.

А что мне оставалось?..

В каком-то полузабытье я всё-таки про себя отметил, что сапёры третий час не могут справиться с камнем. «Это уже не сапёры, – просветил меня писарь, – это «духи» обстреливают». – «Из чего?!». – «Да никак не поймём, вроде мины, а крыльчатки нет».

«Духи» и есть «духи», что с них взять», – вяло подумал я и снова впал в полузабытье. Мозг урывками фиксировал изменения вокруг: стемнело, приехал комбат, зовут ужинать, не хочется... Я очередной раз приложился к банке и зарылся с головой под одеяло: опять начинал бить озноб.

Проснулся посреди ночи. Жутко не хотелось вылезать из постели, но терпеть было уже невмоготу. Одел тулуп, валенки и потрусил по вымощенной камнями дорожке до «заведения». Подморозило. Ни ветерка и звёзды громадные. Только пристроился – над головой свист, и тут же разрывы внутри заставы!.. С секундной паузой ещё три или четыре... Да что же это такое!? Не дай Бог меня здесь накроет, позорище... У нас тут яма для стрельбы стоя с лошади, наполовину заполненная.

За дувалом слышу гвалт и ругань. И зарево какое-то. Наконец закончив, потрусил обратно. Застава внутри горит. Красиво так! Горят дорожки, крыши, деревья, глиняные стены, грязь и даже снег. По всей заставе горел фосфор, разбросанный щедрой, но не доброй рукой. А по-настоящему горел только штаб. Все его обитатели во главе с комбатом скачут

в неглиже вокруг и орут благим матом на общую тему: «Пожар! Спасай добро!». У комбата в руках почему-то моя банка. Я ещё туго соображал, поэтому остановился и смотрел на эту вакханалию со стороны. Вдруг все прекратили гвалт и с изумлением уставились на меня. Общее мнение выразил комбат: – «Ну, ты, Васильич, даёшь! Снаряд же попал тебе в кровать! Я тебя уже грешным делом... Как успел выскокить? Да ещё и одеться!..». – «Так усиленные тренировки и умище...».

Договорить мне не дали. Комбат запустил в меня моей же банкой и бросился спасать, что уцелело.

Когда удалось выбросить через окно весь фосфор, горящие постели и погасить пламя, увидели, что произошло. Три снаряда попали в нежилые постройки и на землю, а один – в дувал, к которому был пристроен штаб. Рикошетом от него снаряд пробил крышу, сделанную из снарядных ящиков и двадцатисантиметрового слоя глины, и влетел мне в кровать. Так что почти всё железо оказалось в ней. Кроме взрывателя. Он каким-то чудом оказался под подушкой у комбата – его кровать рядом. Хотя было 13 февраля, нам всем и особенно мне в ту ночь несказанно повезло: ни до, ни после этого случая я по нужде ночью не вставал, да нужно же было встать именно в эти три минуты!.. Вот тогда-то впервые прозвучали слова – реактивные снаряды...

«По вам работала реактивная установка. Найти и захватить! Кто захватит, представлю к «Герою». Иначе комбат и

вы, начальник штаба, пойдёте под трибунал». Комдив, генерал Ярыгин, был лаконичен до безобразия. Нет, он ещё добавил, что мы бездельники, что «духи» у нас под носом табунами ходят и что если хотя бы один снаряд, не дай Боже, попадёт на аэродром... Но это уже детали.

Сидим с комбатом, Очеретяным Геннадием Васильевичем, морщим репы. Что это за такая реактивная установка? Маленькая «катюша», что ли? Как она выглядит, какие характеристики, откуда взялась и, самое главное, где её искать?

Что ещё жутко нам обоим не понравилось – так это та точность, с которой работала установка. С дальности никак не меньше двенадцати километров она умудрилась положить четыре снаряда в квадрат тридцать на тридцать метров. Рядом жилой кишлак, дувалы царандоя (афганская армия. – Ред.) и ХАДовцев (афганская контрразведка. – Ред.), но туда почему-то не попал ни один снаряд! Это не похоже на работу малограмотных «душков». Работал специалист.

Однако мы не угадали. Нет, не в смысле «специалист», а в смысле «работал» в прошедшем времени. По причине экстренной ликвидации последствий ночного пожара сидели мы с комбатом во дворе на солнышке и разговаривали, завернувшись в тулупы. Он был под впечатлением разговора с комдивом, а я потихоньку отходил от вчерашнего. Тихо, спокойно, солнышко пригревает. Застава занималась повседневными делами. Прямо перед нами метрах в двадцати часовой бродил по дувалу, переходя от одной башни к другой.

Вдруг знакомый уже короткий свист, грохот, пламя, дым и столб пыли. Когда пыль осела, башни как ни бывало. Просто как корова языком слизала...

«Тревога! Налёт! В укрытия!». Один за другим ещё два разрыва в районе окопов бронетехники, где трудились ремонтники во главе с зампотехом Лазаренко Виктором Павловичем. Вбегают внутрь заставы – все в копоти, грязи, с глазами по пятаку. Возбуждённые, перепуганные и радостные одновременно. Разрыв двадцатимиллиметрового снаряда в паре метров впечатлит кого угодно!

Комбат орёт: «Часово-о-о-ой!!!». Тот выглядывает с противоположной башни. Из-под каски смотрят два огромных, как у тельной коровы, немигающих глаза. «Зде-е-есь!». – «Живой?». – «Так точно!». – «Молодец!».

Все инстинктивно прижались спинами к дувалу, противоположному уничтоженной башне. Ну, что дальше? А дальше тишина...

Я просто физически ощутил, как с меня содрали кожу. Теперь не мы, а «духи» в любой момент могут смешать нас с кровью и грязью. По лицам бойцов понял, что думают они о том же. Застава перестала быть местом, где можно расслабиться и почувствовать себя в относительной безопасности. Дальше соображалось гораздо быстрее и чётче: «Офицеров ко мне! Личному составу проверить результаты обстрела! Построение под восточной стеной!».

Старшина принёс автоматический гранатомёт АГС-17,

стоявший на разрушенной башне. Этот кусок железа ремонту не подлежал! Хорошенькое дело! Легковесное, пренебрежительное отношение к обстрелам моментально куда-то испарилось. То, что многократно доводилось видеть в кино и слышать от других, произошло прямо на наших глазах и в любой момент может повториться! Надо что-то делать.

Закрутилась нормальная боевая работа. Первым делом уточнили боевой расчёт на время обстрела. Каждому определили свою роль и место. Для тех, кто не имел места на позициях, вырыли блиндаж. Назначили наблюдателей и установили дополнительные сигналы оповещения. Определили потенциально опасные места и запретили там сбор личного состава. И так далее, и тому подобное...

Меня комбат от повседневной рутины освободил. Задача одна: отобрать и подготовить группу для поиска установки. Кого надо, с дальних застав перебросить на нашу, с ближних – собирать каждый день на занятия. Взять только добровольцев, без молодых. «Поведёшь лично». – «Спасибо за доверие!». – «На здоровье!».

Началось...

На всех заставах у бойцов один вопрос: «Кто поведёт?». Когда узнавали, дружно делали шаг вперёд. Это грело душу, но не спасало шагнувших вперёд от жесточайших ежедневных занятий по восемь-десять часов в день со всё возрастающими нагрузками. За пару недель из вальняжных, накачанных заставных «десантов» мне нужно было подготовить пол-

сотни поджарых и выносливых, как мулы, бойцов. Сначала в горку со стандартным комплектом, потом с миномётной плитой, потом то же и один «раненый» на троих, и только после этого – на огневой рубеж, если уложился в норматив. «Сдулся» каждый второй. Без комментариев их отправили назад на заставы. Причём «дед» или «годок» – параллельно...

Из оставшихся сформировали группы и провели слаживание. С каждой роты получилось по взводу. За три недели бойцы притёрлись, подсохли, настролялись и набегались по горам досыта, готовы были к любым нагрузкам и с нетерпением ждали, когда закончится это издевательство и начнётся боевая работа.

А в это время комбат раскручивал местных. За год он уже знал, «кто кого дружит» и кого ненавидит, короче, кто про кого скажет правду, а кто соврёт. Ездил в гости, приглашал к себе, потратил все запасы водки, и из потока информации выкристаллизовался район поиска. Пачехак... Укреплённый «духовский» район. Ветераны батальона и полка рассказывали про него с уважением. При этом вспоминали о тюрьме, о французском госпитале в горах и даже о безуспешной операции дивизии в том районе.

Мы пару раз заскакивали туда, но коротенько, по-быстрому – прихлопнуть охранение, взять трофеи и назад. С последнего поиска прошло полгода. Дворников, командир 9-й роты, тогда на перевале взял тёплыми караул из двадца-

ти двух «духов» и завалил Фаиза Мамата, который с группой бросился им на выручку. Охранению это не помогло, а сам он нарвался на пулю. Шороху было до самого Пешавара! Нам передали текст радиоперехвата, где оставшимся в живых командирам была дана неделя на то, чтобы «стереть с лица земли» нашу заставу. В противном случае им обещали отрезать головы. Вот это стимул! Но не получилось «их теляти нашего волка съести». Мы ту неделю провели в окопах вокруг заставы, заливая огнём все вероятные подступы. Так что Пачехак – это было серьёзно. Зуб на нас они имели ещё тот! Так что предстоящая встреча с «духами» сулит нам много интересного.

Про Фаиза Мамата разговор отдельный. Потомственный военный. Выпускник какого-то западного престижного колледжа, он закончил и спецфак Рязанского воздушно-десантного училища!!! Почти в те же годы, что я! У «духов» – легендарный командир. Грамотный, дерзкий и по-азиатски коварный. Имел несколько успешных рейдов. Славянской крови пролил немало. В новогоднюю ночь обобрал кишлак, в котором размещалась наша заставка! Знал, сучий потрох, что в эту ночь с застав никто в засады не уйдёт! Под наш новогодний салют унёс более миллиона афганей. Ну, разве не молодец!? Кто его, интересно, замещает?

Информацию собирали по крупицам. Я присутствовал при одном разговоре, когда сразу после очередного обстрела к нам пришёл Маланг, командир афганского батальона

«коммандос». Звучит грозно, а на самом деле бывший бандит (если бандиты бывшими бывают), который воевал ещё с Амином, потом с Бабраком, а после того как наши его в горах зажали, сдался и сразу заделался большим начальником местного значения. Связи с «духами» не терял никогда, держал их в курсе наших дел и сейчас (уверен на сто процентов!) пришёл узнать результаты обстрела. Мы ему честно сказали, что обстреляли нас из «непоймичего», никого даже не поцарапало, и неизвестные уроды, которые только башню испортили, могут дальше не напрягаться... Маланг, у которого во лбу было полтора стакана «кишмишовки», завёлся: «Эта работала реактивная установка. Только доставили из Пешавара... Пришёл новый отряд после подготовки. Экипирован и вооружён как никогда... Триста моджахедов... Получают доллары... Десять ДШК... Четыре безоткатки... Скоро покажут себя... Пока Пачехак, потом Имишли...».

Я слушал и отчётливо понимал: не врёт, зараза. На этот раз не врёт. Даже если делить пополам, получается некисло. Поэтому готовиться надо не на прогулку и не к теще на блины. Эти никакой ошибки не простят.

Пока бойцы сбивали в кровь спины и рвали х/б на локтях и коленях, я всё больше изучал карты да аэрофотоснимки, составлял таблицы да продумывал варианты развития событий. Потом прокачивал их с командирами групп. Лишь в самом конце проверил бой и почистил свой автомат, лично снарядил магазины, проверил гранаты. Не барское это дело,

но кто его знает, как всё повернётся. Провёл смотр и с чистой совестью доложил комбату о готовности.

Всё это время «духи» нас регулярно обстреливали. настолько регулярно, что мы вычислили закономерность. Наша долина, как огромная аэродинамическая труба, постоянно продувалась. С утра в одну сторону, после обеда в другую. В момент получасового затишья «духи» нас и долбили. В этот момент все старались не шуметь, найти работу в окопе или блиндаже, внутри брони или быть ближе к восточному дувалу. Самое лучшее вообще быть подальше от заставы. В миг свиста все, как подрубленные, забивались в щели. Когда «духи» затягивали с обстрелом, даже зло брало – скорей бы уж! В один из таких моментов боец свистнул, получилось очень похоже. Естественно – кто куда!.. А взрыва нет... Только ехидненький смешок. Ещё бы, не каждый день по твоей воле комбат с начальником штаба ныряют фейсом в грязь. Пока я поднимался, ему уже кто-то «впечатал» этот смешок обратно в рожу. Вот грубые нравы, не оценили тонкий военный юмор!

Ещё затишье бывало ночью. Никто виду не подавал, ложились спать как обычно, но мне свежая заплата из досок над головой не давала полностью расслабиться. И даже окопные истины про снаряд, не падающий в одну и ту же воронку, и про того, кому суждено быть повешенным... помогали слабо.

Когда духи замолкали на несколько дней, мы начинали

беспокоиться, не сменили ли они район. И в следующий налёт вздыхали с облегчением: слава Богу, на месте.

Наконец накануне афганского Нового Года получено добро комдива. Он с парой батальонов закрутил реализацию в нашем секторе, но в стороне от Пачехака и ущелья Бара-Авдар. Там канонада, постоянно летает авиация. Мы же вели себя тихо, как церковные бабушки во время молебна. Последние дни с заставы регулярно уходили «ленточки» с личным составом на броне, а возвращались пустыми, хотя на самом деле всё было с точностью до наоборот. Просто возвращалась броня с бойцами внутри и разгружалась уже в окопах под маскировочной сетью. За пределы дувала – ни ногой, внутри крепости-заставы тихо и никого чужого. Накануне проверились, пообедали и спать.

Встали. Вместо ужина сладкий чай, больше ничего в рот не полезло. Оделись, попрыгали. Проблема номер один – уйти с заставы незамеченными. ХАДовцы и царандой привыкли, что бойцы вечером табуном на горшок ходят, вот и сейчас все вроде бы туда. А на самом деле на мягких лапах мимо – и в заминированную промоину. Там по проделанному проходу – в противоположную сторону от реальной цели. Нарезали кружок километров десять и только после этого, разделившись, подошли к хребту, каждый к своей точке подъёма. Важно не ошибиться. А ночь – хоть глаз выколи. С одной стороны, здорово, с другой – ничего не стоит заблудиться. Хоть какой бы ориентир!

Только начали подъём, слышу: зовут. Подхожу, боец держится за живот и рассказывает про больные почки. Присматриваюсь – «Кротяра» (сапёр. – Ред.)! Деловой, косил от занятий: мол, в «ленточку» некому без него сходить. Конечно, на броне трястись лучше, чем скакать по горам. Одного не оставишь. Потеряется – сам себе не прощу, да и голову откусят. А если с ним оставлять офицера, то как же выполнять задачи наверху?.. Такая злость меня взяла на его сопли, что врезал ему по роже, только шапка полетела: «Тебя кто сюда тащил? Сам напросился? Освобождения не будет! Раздевайся! Ещё раз присядешь, лично задушу!».

Я забрал его автомат, разведчик взял РД (рюкзак десантника. – Ред.). Тут снизу поднимается писарь – с размаха надел «Кроту» шапку на голову и говорит: «Ты шапку потерял, смотри, больше не теряй...». Многообещающе так сказал.

Дальше пошли молча. Только иногда чей-то шёпот. Подъём оказался тяжелее, чем я ожидал. Идём вне троп. Подняться надо на километр. На горбу по тридцать-сорок килограммов. Со всем этим добром легко можно ухнуться вниз, если неправильно поставишь ногу. Иногда движение, как по спине дракона или перевёрнутой расчёске: справа-слева обрыв. Около нуля, но под «броником» всё клокочет и парит. Пот выедаёт глаза. Останавливаться нельзя. Не успеем до рассвета – «духи» здесь и «упакуют». Серееет. Да когда же конец!? Сердце клокочет уже где-то в горле и отдаётся в висках. Перед глазами всё плывёт. В ботинки кто-то горячей золы на-

сыпал. Если за этим камнем не будет вершины хребта, упаду и сдохну. Падать не стал, но привалился спиной к камню и ртом хватаю воздух. За мной держатся только писарь, связист и пара разведчиков. Остальные отстали.

Наконец подъём неожиданно закончился. С той стороны потянуло сладковатым дымком и послышался собачий брех. Отлично, ветер на нас, значит учуять не должны. В предутреннем сумраке различаю далёкие очертания Пачехака и ближе, в полутора-двух километрах, – «духовского» лагеря. Неожиданно быстро вместе со всеми выполз «Крот»: «Товарищ майор, отдайте автомат». Не до разборов. – «На, бери и дуй на своё место!».

Дальше всё по нашему сценарию: одна группа на перевал, две другие по хребту охватывают «духовский» лагерь. Быстро светает, и разведка не успевает прихватить их охранение. Взять тёплыми, без стрельбы, на этот раз не получилось. Не дошли метров двести. Как потом оказалось, очень удачно: непосредственные подступы к перевалу – это одно сплошное минное поле. Разведка залегла прямо перед ним. Поднявший тревогу «дух» тут же поймал пулю, но с позиции охранения моментально огрызнулись несколько автоматов. Завязалась ожесточённая перестрелка. Из ожившего лагеря «духи» довольно точно открыли огонь из безоткаток и ДШК (безоткатное орудие и крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва – Шпагина. – Ред.). Видно, что работают по пристрелянным ориентирам. Разведчики, попавшие под перекрёстный

огонь, забились под камни и головы не могут поднять. Режим радиомолчания закончен. Прошу доложить обстановку. Все поднялись без потерь.

Закрепились на хребте, к бою готовы. Видя только разведчиков и не зная об остальных, «духи» решили обойти их с двух сторон и положить всех на перевале. Довольно организованно две группы человек по тридцать-сорок резво стали подниматься на позиции взводов 7-й и 9-й роты. Даю команду не спешить с открытием огня, а сам запрашиваю о готовности артиллерии соседней заставы. Свои миномёты подождут. «Грузи чужого коня», – говаривал один умный артиллерист, и я загрузил. Дымовые легли точно в цель. И пожалел, что сразу не дали залп осколочно-фугасными. Почти одновременно с флангов ударили из стрелкового. Ухо радуют чёткие, короткие в два патрона очереди с нашей стороны. Значит, работают без паники. Тогда я за них спокоен. Чего-чего, а в огневом контакте мои кому угодно фору дадут. Да и преимущество в высоте чего-то стоит. «Духовские» миномёты успели выплюнуть по паре мин, как их накрыл залп наших «нон». Безоткатки заткнулись ещё раньше, а ДШК никак не угомонятся. «Как «грачи?» – спрашиваю у авианаводчика. «Заправляют, скоро будут». – «Поторопи!».

Вышел на связь комбат: «Радиообмен слышал. Держись. На подходе дивизионная батарея залпового огня. Готовь задачи».

Тут меня жадность и подвела. «Ща, – думаю, – я ваши

ДШК заткну». Даю координаты цели и наблюдаю солидный перелёт. – «Ближе четыреста!!!». Опять перелёт. «Ещё ближе четыреста!!!». Следующий залп пришёлся прямо по хребту в районе перевала, где залегла разведка.

«У...у...у...» – это было первое, что сказал в эфир батальонный разведчик Иван Лусевич, но для меня это всё равно прозвучало, как песня. «Ураган», стой! Прекратить огонь!!! Вы что там, на огневой, совсем охренели?!» – это я артиллеристам и совсем не по уставу: – «Ваня, ты как?». Пока он молчал, я чувствовал, как у меня по позвоночнику стекает струйка пота. Наконец: «Вроде целы, но оглохли... Мало того, что «духи» с двух сторон, так ещё и свои с тыла!!! Короче, больше такой «поддержки» не надо».

А ДШК, как будто издеваясь, опять забубнили по перевалу. Достали!.. «На подходе пара «грачей», – наконец доложил авианаводчик.

«Душки» в лагере, чувствуя недостижимость нашего стрелкового, вели себя достаточно вольготно. Во всяком случае, передвигались в полный рост. Пара штурмовиков работала красиво. Сначала две «капли» долго висели в воздухе, а потом, соприкоснувшись с землёй, смешали в кучу людей, железо и камни. Второй повторил маневр ведущего, но положил бомбы немного в сторону. Вслед выходящему из пике ведомому ушли две трассы ЗГУ (зенитная установка. – Ред.). К ним у «пернатых» особая любовь, поэтому во втором заходе они отвели душу НУРСами. Непривычно наблюдать

за полётом СУ-25 сверху вниз. Когда рассеялся дым, ЗГУ замолкли, а ДШК с ещё большим остервенением ударили по перевалу. А потом вдруг словно поперхнулись на полуслове. Секунд через тридцать рывкнули ещё раз и... синхронно замолкли окончательно.

Позже я узнал, что под шумок артиллерийского и авиационного налёта два брата-акробата, старшие лейтенанты Миронов и Сидоренко, спустились с перевала и подобрались к укрепрайону на прицельную дальность. Только «душок» на гашетку – а тут выстрел из СВД. Наводчик с дыркой во лбу и сел. Подскакивает другой – та же картина. Больше желающих не нашлось. Эта пара подействовала на «духов» гораздо сильнее артиллерии и авиации. Позабивались они в щели и молчат. Высматривают. Иногда появляются, но мечутся перебежками, как помойные коты. Зауважали, блин...

С флангов доложили, что «духи», подобрав убитых и раненых, отходят. У нас все целы. Разведка выскочила из-под огня, посечённая камнями, – оглохшая, но живая. Одному досталось даже пуля от ДШК – то ли рикошетом, то ли на излёте. Но жив, «курилка»! Рюкзак и «броник» сделали своё дело. Когда я его увидел через неделю, синяк у него так и оставался во всю спину – тазиком не закроешь!

«Осмотреться, закрепиться, перезарядиться...». «Духи» шуршат за обратными скатами своей горушки, куда не достаёт артиллерия. Стаскивают туда раненых и убитых. Даю команду разведчикам проверить. Для себя понимаю: главное

не дать им увести реактивную установку. Но никто из наших её на «духовских» позициях не видел. Может, её уже здесь нет? Об этом не хотелось думать. И ещё понимаю: если «духи» продержатся до темноты, то ночью уйдут и унесут всё тяжёлое оружие. Этого допустить нельзя.

Даю команду готовить «Лавину». Это не «ура!» в одну шеренгу (держи интервал и равнение!), а передвижение попарно от укрытия к укрытию: один бежит, другой страхует. Благо всё было отработано внизу и никому не надо ничего объяснять. Оставив на хребте тяжёлое вооружение и небольшое прикрытие, группы стали спускаться вниз, сжимая кольцо вокруг укрепрайона с трёх сторон. Для отхода оставлен один проход, но и он – сюрприз! – перехвачен двумя РПК и огнём миномётов.

«Душки» оценили всё правильно и рванули, куда надо. Наконец миномётчики дождались своего часа. Невольно залюбовался работой наводчиков. Практически первыми минами они накрывали то одну, то другую отходящие группы «духов». Да и пулемётчики разгрузились прилично. Проскочили лишь самые наглые, которые вплотную прижались к нашему хребту и, попав в мёртвую для нас зону, сумели уйти.

Какой-то час – и всё кончено. Укрепрайон наш. Командиры доложили, что все живы. Глянул на часы. Ого, время далеко за обед, а я со вчерашнего... Вдруг понял, как я хочу... не есть, а именно жрать! Нервы, что ли? Пока мой товарищ «Ататиныч» открывал банки, я доложил комбату.

Неожиданно на нашей частоте появился «Памир». По голо- су узнал комдива. Стал докладывать, а он мне в лоб: «До- кер», установку взял?». – «Никак нет». – «Так чем ты там занимаешься?». – «Ем». – «Ты что туда – пожрать пошёл!? Я тебя...».

Ну, вот и поел... Галета с холодной кашей застряла в глот- ке. Проглотил кое-как, встал, прошу «Ататиныча» посидеть на связи, а сам решил размяться. Точнее, просто не хоте- лось сидеть перед солдатом-связистом как оплётанному, он же всё слышал, хотя старательно делает вид, что ему ника- кого дела нет.

Спускаюсь к перевалу. Быстро смеркается. Интересные ямки-лунки вдоль тропинки. Вдруг вижу: дух сидит в окопе. Как он здесь уцелел после разведки? Тихо так сидит, не ше- велится. Я автомат в его сторону, дёрнется – положу. Мед- ленно к нему. Вдруг меня как током от пятки до темени: нога зацепила растяжку. Опускаю глаза: мина-американка скло- нилась на бок, чека наполовину выскочила, держится на соп- ле. Понимаю, что упасть не успею, у этой сволочи нет време- ни замедления. Стою, как парковая скульптура, только без диска и весла, боюсь дышать, не то что шелохнуться.

– «Крот!»». – Голос пропал, из груди вырвался какой-то сип. Появился писарь. «Отойди, – говорю, – позови «Крота».

Тот подошёл, присел рядом и разобрался с миной, как повар с котлетой. Вставил чеку, сунул её в сумку и сто- ит, сматывает проволоку от растяжки. Что-то бормочет се-

бе под нос. «Спасибо, – говорю, – и прости, братан, за вчерашнее». – «Ладно, проехали. Всё нормально, я бы сам не поднялся... По перевалу всё заминировано, осторожнее. А в окопе там муляж, мы его давно рассмотрели. Правда, похож?». – «Что-о-о?!». До меня, наконец, дошло: «Урод, скотина безрогая!!!». – Боец вопросительно посмотрел на меня и на всякий случай попятился. – «Не волнуйся, это я про себя».

Смотрю: два «туфа» от выстрелов к безоткатке связаны крестом, на горизонтальный одет френч, вместо головы мешочек с нарисованными глазами, сверху чалма. Подскочил, двинул его ногой так, что голова покатила по перевалу, и... успокоился. Почти бегом назад к радиостанции: «Всем до утра оставаться на месте! Организовать охранение! Никакого огня и курения!». Командиры и так всё знают, но я разгрузился и... полегчало.

...Ощутимо стало холодать. Зарядил противный пронизывающий дождь, который вскоре перешёл в мокрый снег. Я попросил «Ататиныча» разбудить в два часа, бросил на камни бронежилет и накрылся сверху плащ-палаткой. Через тридцать секунд уже спал. Правда, во сне продолжил командовать и спасаться от мин. Проснулся от собачьего холода. Вскочил, под ногами хрустел снег. Значит, мороз. Как бы не поморозить бойцов, особо-то никто не утеплялся. Но наш боец, вооружённый сухим пайком, непобедим. Никто и не собирался замерзнуть, а разведчики вообще нагло доложили,

что им в «духовском» блиндаже на спальниках и под одеялами даже жарко. Я же раз пятьсот отжался и поприседал и... с радостью встретил рассвет. Облака ушли, выглянуло солнце, и через полчаса я забыл про ночной собачий холод.

Спустился к разведчикам и приступил к сбору трофеев. Безоткатки, ДШК, миномёты, мины и боеприпасы больших эмоций не вызывали. Железо и есть железо. А вот карты под плёнкой вызывали профессиональное уважение. Ты её хоть стирай, а ей хоть бы хны. Новенькие американские спутниковые радиостанции в заводской упаковке. В комплекте «динамо» – крути педали и получай ровно двенадцать вольт. Не надо никаких аккумуляторов с их извечной проблемой подзарядки. Японские панорамные бинокли с осветлённой оптикой, спальники на гагачьем пуху, фонари, коробки с батарейками и прочая, и прочая... Однако ничего по-настоящему душу не грело. В другой раз от десятой доли такого «результата» скакал бы на одной ножке, но сейчас меня интересовала только установка. И ладно бы только меня...

На одной трофейной карте обнаружил какие-то непонятные значки. Доложил комбату. Тот – в дивизию. «Встречайте гостей», – перезванивает комбат. И точно, идёт вертушка. Присела – из неё выскочили двое: начальник ХАДа Кабула, а с ним «душок» с автоматом и одеялом. Посмотрели они на карты и одну забрали. А на другой, говорят, обозначены склады. Вот их вам наш активист покажет. – «Если это склады, то карты и мы читать умеем, зачем показывать?». Но

ХАДовец упёрся: «Пусть остаётся».

Активиста он оставил, а сам улетел, прихватив документацию и кое-что из трофеев. Я этого засранца покормил, показал, где отдыхать, поручил разведчику, а сам занялся своими делами. Только утром следующего дня вспомнил о нём, когда ставил задачи по поиску. А его и след уже простыл. Смылся, урод. Не знаю, то ли контрразведка разыграла свою комбинацию, то ли этот активист только и ждал, как бы поскорее к «духам» смыться. Но я же не пленного охранял, а вроде как союзника. Мало ли что ему надо было за тем камушком...

Осмотрели всё. Но целый день поисков ничего кроме боеприпасов не добавил. Не хотелось даже подходить к радиостанции: что я скажу комбату или, что во сто раз хуже, комдиву. Вроде и оправдываться не за что. Но, по всему выходит, профукал реактивную установку, которая комдиву, отвечающему за безопасность Кабула, как кость в горле. Стояла она на блюдечке с голубой каёмочкой, а я пришёл и профукал.

К вечеру прибыл в моё распоряжение взвод «маланговцев». Командир у них – толковый парень. Дважды проходил подготовку в Пешаваре, постоянно тренируется и бегает с моими бойцами. «Маланговцы» принесли с собой сухие пайки и миноискатели. Разместил их на перевале, предупредил о минах. Не проходит и получаса – взрыв!.. «В чём дело, Аминуло?» – спрашиваю. «Ди-ва-на-а-а (слабоумный –

Ред.)», – отвечает спокойно так, как будто речь идёт о подорвавшейся курице.

С утра за пару часов миноискатели принесли первый результат – обнаружен склад реактивных снарядов. Склад, конечно, громко сказано, но двадцать снарядов, замотанных в мешковину и зарытых в землю, обнаружить удалось. Уже теплее! Если есть снаряды, значит, должно быть и то, из чего ими стрелять. Собрал офицеров, показал, как «душки» маскируют своё добро. И снова на поиск. До вечера обнаружили ещё три склада. Уже горячо!

Параллельно с нами свой поиск вели и маланговцы. Они обшмонали Пачехак, набили свои пустые мешки всякой дрянью и пригнали на перевал небольшое стадо баранов. Когда, заразы, успели? На войну всё в хвосте, а мародёрить – золотые руки! Второй раз поговорил с Аминуло и предупредил о границах их лагеря, мол, кого обнаружим за его пределами... пусть потом не обижается. Упаси, Боже, от таких союзников!

Ещё день поисков. Ещё два склада реактивных снарядов. На совещании офицеров Миронов предложил посмотреть свежие могилы: «Духи» знают, что мы никогда их не трогаем. Может, воспользовались?». – «Бери сапёров и осторожно...».

Я уже не знал, как буду оправдываться за свою никчемность. И кого убеждать, что сделал всё, что мог? Комбат и так знает, а остальным кроме результата ничего не интересно. Офицеры и бойцы откуда-то прознали про грозящий нам

трибунал и в буквальном смысле рыли землю. Я уже готовился закончить поиск, но прозвучал доклад, как песня, долгожданная и неимоверно дорогая: «Есть установка!!!». – «Не может быть. Тащите сюда!».

Приносят в мешках какие-то трубы, жирно смазанные солидолом или литолом, кто их разберёт. «Что за ерунда? Это реактивная установка?». – «Так точно. Надо только собрать».

Когда собрали и я убедился, что это действительно установка, вышел на связь и доложил комбату. С той стороны не то стон, не то вздох облегчения: «Спасибо, Васильич...». – «На здоровье!» – с удовольствием вернул комбату должок.

Буквально через пять минут он мне сообщает, что к нам за установкой вышла вертушка. «Не верят, что ли?». – «Нет, тут готовят выставку для иностранных журналистов и хотят показать, как империалисты вооружают против нас моджахедов».

Я ещё тангенту (переключатель на рации. – Ред.) не положил, а вертолёт уже мостится одним колесом на нашей горушке. Ё-пэ-рэ-сэ-тэ!!! Собрать-то мы её собрали, а как эта зараза разбирается? Не лезет в собранном виде в вертолёт!!! Угваздались мы все в этом солидоле, как чушки. Наконец разодрали и загрузили. Закинули снаряды, ДШК, миномёты, безоткатки и остальное трофейное добро. Если не будет погоды – не на себе же тащить вниз!

Посмотрели, как натужно вертушка ушла через перевал

в сторону Кабула, и вздохнули. Стоим, вытираем руки от смазки. Такое облегчение! У меня с плеч не камень, а гора свалилась и громко так чвякнулась. У бойцов тоже лица радостные. Смеются, толкаются... Мелькнула мысль: как пайки подбросить, то сутки вертушки не дождёшься. А тут гляди, как быстро прилетели! Про жратву не зря вспомнилось: галеты и сухие пайки уже в печёнках сидят.

Смотрю: на перевале у «маланговцев» опять канонада. Но разрывы явно не от снарядов. По минному полю мечется стадо баранов, испуганное вертушкой, и находит приключения на свои курдюки... Пара-тройка уже валяется.

Зато вечером был пир. Аминуло презентовал одного героически погибшего барана, казан и кое-что из приправ. Давал в придачу и повара, но мы отказались. Сами не пальцем деланные. Шурпа получилась... песня! Правда, пару раз чуть зуб не сломал о какие-то железяки в мясе. И каждый раз, выплёвывая осколок, проскакивала мысль, а ведь он мог быть моим... Но разве на такие мелочи обращаешь внимание, когда впервые за пять дней пробуешь горячее?

Утром по тропе на перевал поднялся комбат. Обнялись, как будто год не виделись. Принёс пайки. От себя – супердефицитные консервы. Открыли, да со свежим хлебушком... Вкуснятина! Мы с замполитом мечем, а комбат отчего-то грустный. «Геннадий Васильевич, что случилось?» – спрашиваю. «Вчера в дивизии разговор был, я напомнил про «Героя». А мне говорят – не выйдет. Ведь у тебя ещё нет наград.

Да и поиск вы провели слишком гладко: ни раненых, ни погибших. Какой-то негероический поиск получился. Вот если бы кто-нибудь на амбразуру... или командира собой прикрыл... или ещё лучше сам командир... – тогда другое дело. А так, сказали, чтоб подавал тебя на «Боевое Красное Знамя», всем остальным на ордена и медали – по нашему усмотрению». – «Знаете, Геннадий Васильевич, про трибунал я сразу поверил, а про «Героя» не очень. Бойцы целы? Задачу выполнили? И ладно. Сгодится и «Знамя». И вообще мы тогда так рассуждали: на войне главная награда – это жизнь...

Не знал я, дурачок, что по возвращении буквально через несколько часов ждёт меня «дальняя дорога» (новая реализация) и «казённый дом» (штаб полка), где был порван мой наградной, зато учинён разнос по партийной линии за упущения в службе войск на одной из дальних застав. Даже не упущения, а за преступление. Пока мы занимались установкой, на одной из застав бдительные проверяющие нашли флягу с брагой! Какой ужас!!! Типа, мы тут в парткоме и штабе полка ящиками кровь проливаем, наводим порядок на заставах, а они, бездельники, знай, наградные строчат...

Много чего пришлось мне за это время повидать и пережить. Но один случай не забыть никогда. Однажды, после многодневного рейда в горах, мы вышли, как было приказано, на перевал. Видим – наша дивизия на расстоянии двух километров внизу. Броня, артиллерия – всё!.. А сообщить им о своём местонахождении не можем – пропала связь, сели

батареи на рации! Знаем, что если бы мы не смогли захватить перевал с тыла, то разведке пришлось бы штурмовать перевал в лоб. Но как раз перед этим хребет должны обработать артиллерия и авиация.

Нам надо срочно сообщить нашим, что перевал взят, а рация не работает! Беру радиостанцию, чтобы доложить, нажимаю тангенту и... всё. Умерла радиостанция, аккумулятор сдох окончательно. У командиров групп связь пропала ещё ночью по той же причине. «Паук» (радиотелефонист. – Ред.) хлопает глазами и говорит, что это второй и последний запасный аккумулятор. Вон она, дивизия, внизу. Вон артиллерия на позициях. Если я не смогу взять с тыла, они попрут в лоб, но после авиационной артподготовки. Оно мне надо?! Да что же это такое! Беру запасный аккумулятор и стучу им о скалу. Подключаю... есть сигнал. Слава Богу! Связист шепчет: «Господи, помоги». Берёт аккумулятор и повторяет процедуру. «Памир» слушает!». – «Я «Докер», перевал наш, перевал наш, подтвердите!». – «Я «Памир», понял, перевал наш, подтверждаю!».

На войне на самом деле атеистов нет...

Командир полка

Никто в Вооружённых силах СССР и России не командовал боевым вертолётным полком дольше, чем полковник армейской авиации Владимир Алексеевич Господ. Двенадцать лет. А тех событий, которые пришились на военную судьбу полковника Господа, хватило бы на несколько жизней. На его счету 699 боевых вылетов в Афганистане и 327 вылетов в должности командира сводного вертолётного полка в Чечне. И ещё плюс к этому у полковника Господа – тридцать два захода на аварийный реактор Чернобыльской АЭС в 1986 году в первую неделю после аварии...

Краткая биографическая справка

Полковник армейской авиации Владимир Алексеевич Господ родился в г. Павлограде. Закончил Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков (1979) и Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (1992).

После окончания училища служил в Южной группе советских войск в Венгрии. С 1984 по 1986 годы в составе 40-й армии находился в Афганистане, был командиром вертолётной и командиром звена. После возвращения из Афганистана в мае 1986 года участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С 1993 по 2004 годы командовал вертолётными полками Дальневосточного и Ленинградско-

го военных округов. В 1995 году находился в командировке в Чечне и командовал сводным транспортно-боевым вертолётным полком. С 2004 года полковник В.А. Господ занимал должность начальника отдела боевой подготовки и боевого применения армейской авиации 6-й армии ВВС и ПВО. В 2008 году уволился в запас.

Лётчик-снайпер. За время службы совершил 699 боевых вылетов в Афганистане и 327 в Чечне, а также 32 захода на аварийный реактор Чернобыльской АЭС в первую неделю после аварии. Награждён орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооружённых силах СССР», двумя орденами Мужества и другими государственными и общественными наградами.

Рассказывает полковник Владимир Алексеевич Господ:

– В марте 1969 года произошёл конфликт с китайцами на границе в районе острова Даманский. До сих пор в памяти остались имена героев-пограничников – капитана В.Д. Бубенина, старшего сержанта Ю.В. Бабанского, старшего лейтенанта И.И. Стрельникова и полковника Д.В. Леонова, начальника пограничного отряда. Всем им было присвоено звание Героя Советского Союза (И.И. Стрельникову и Д.В. Леонову посмертно).

На меня тогда это произвело такое сильное впечатление, что я, мальчишка, загорелся: захотел стать пограничником и

задумался о поступлении после школы в пограничное училище.

Помню, я собирал материалы о героях-пограничниках, организовал в нашем далеко не приграничном городе Воронеж отряд «Юные друзья пограничников» и даже написал письмо легендарному пограничнику Герою Советского Союза Н.Ф. Карацупе, попросив его прислать нам свою пограничную фуражку (эта фуражка у меня до сих пор хранится).

И так сложилась судьба, что, будучи уже командиром вертолётного полка, мне удалось побывать на заставе имени старшего лейтенанта И.И. Стрельникова, кумира моих мальчишеских надежд. Именно его заставка в 1969 году приняла главный удар китайцев. Интересно, что сын И.И. Стрельникова одно время служил на этой заставе замполитом. (В ходе демаркации границы между СССР и Китаем в 1991 году остров Даманский отошел к КНР. Ныне он называется Чжэньбао-дао. – Ред.)

Но отец после моего окончания школы сказал: будешь лётчиком. (Сам-то он военный лётчик, закончил службу командиром эскадрильи на Камчатке.)

Отца я послушался и поступил в Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков. Его благополучно закончил 20 октября 1979 года с золотой медалью. К этому времени до ввода советских войск в Афганистан оставалось два месяца.

У меня было право выбора места службы, и я выбрал Вен-

грию. Сначала меня пускать туда не хотели, потому что я не был женат. Но всё-таки золотая медаль сыграла свою роль. (И во всей Венгрии, наверное, я был единственным лётчиком-холостяком.)

Венгрия вместе с Германией, Чехословакией и Польшей считалась передовым рубежом нашей обороны, поэтому в первые годы войны оттуда в Афганистан лётчиков не брали. Самыми первыми в Афган полетели лётчики Среднеазиатского и Туркестанского военных округов. У них были навыки полётов в горно-пустынной местности. Командование считало, что война закончится быстро, поэтому первоначально никакие замены не планировались.

Вот первые лётчики в Афгане по-честному два года и отвоевали. А конца-то войне всё не видно... И осенью 1981 года постепенно пришлось заменять тех, кто вошёл в Афганистан первыми. Но до поры до времени за границу не трогали.

Только в мае 1984 года к нам в Венгрию приехал полковник Кошелев из Москвы, заместитель начальника армейской авиации. Он сказал: «Я прибыл для того, чтобы отобрать в Венгрии первую эскадрилью, которая пойдёт в Афганистан для замены отдельной 254-й эскадрильи». Эта эскадрилья базировалась на аэродроме в Кундузе и входила в состав 201-й дважды Краснознамённой мотострелковой дивизии. Потом эта дивизия была выведена в Таджикистан, где до сих пор и несёт службу уже под названием 201-й военной базы. Первый орден Красного Знамени дивизия получила за Ве-

ликую Отечественную, второй – уже за Афганистан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.